

Woman in Russian Society
2019. No. 4. P. 14—28
DOI: 10.21064/WinRS.2019.4.2

Женщина в российском обществе
2019. № 4. С. 14—28
ББК 66.3(2Рос),41
DOI: 10.21064/WinRS.2019.4.2

СОВРЕМЕННАЯ СОЦИАЛЬНО-ДЕМОГРАФИЧЕСКАЯ ПОЛИТИКА В РОССИИ: ЕСТЬ ЛИ ПРЕЕМСТВЕННОСТЬ В КОНЦЕПТУАЛЬНЫХ ПОДХОДАХ В ДОКУМЕНТАХ 2007—2017 гг.

И. Е. Калабихина

Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова,
г. Москва, Россия, ikalabikhina@yandex.ru

Методом контент-анализа текстов было выполнено сравнение пяти концептуальных документов в области социально-демографической политики 2007—2017 гг. К результатам анализа, в частности, относится отсутствие преемственности концептуальных подходов в разных документах, смена подхода, слабая связь целей и индикаторов успеха разных концепций и стратегий. С забвением гендерного равенства уже в первых документах исследуемого десятилетия совпала и постепенная смена концептуального подхода — с либерального на консервативный. Наблюдается усиление традиционализма, патернализма; отказ от принципа участия объектов политики в принятии решений, затрагивающих их интересы; смена приоритетов интересов (интересы семьи и государства выше интересов ребенка или взрослого члена семьи).

Ключевые слова: концепции и национальные стратегии, социально-демографическая политика, контент-анализ, гендер, Россия.

MODERN SOCIO-DEMOGRAPHIC POLICY IN RUSSIA: IS THERE ANY CONTINUITY IN CONCEPTUAL APPROACHES IN THE DOCUMENTS OF 2007—2017?

I. E. Kalabikhina

Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russian Federation, ikalabikhina@yandex.ru

The comparison of five conceptual documents in the field of socio-demographic policy for 2007—2017 was made using the method of content analysis of texts. One of the results of the analysis is the lack of continuity of conceptual approaches in different documents; the change of conceptual approach from liberal to conservative one; weak link between goals and success indicators of different concepts and strategies. Oblivion of gender equality occurred in the very first documents of the studied decade. A gradual change of conceptual

approaches coincided with oblivion of “gender”. New approaches are characterized by the increase in traditionalism, paternalism; rejection of the principle of participation of objects of policy in making decisions affecting their interests; change of priorities of interests (the priority is given not to a child’s or an adult member of the family interests but to the one featuring state and family interests).

Key words: concepts and national strategies, socio-demographic policy, content analysis, gender, Russia.

Введение

Десятилетие 2007—2017 гг. отмечено в России созданием большого числа концептуальных документов в области социально-демографической политики. Существует ли преемственность в политических документах с точки зрения концептуальных подходов? Сохранялся ли единый теоретический подход в течение десятилетия активного производства концепций в области социально-демографической политики?

Признанным фактом стало исчезновение гендерного подхода в социальной политике в связи с ослаблением национального механизма по гендерному равенству с начала 2000-х гг. [Воронина, 2013]. Характеризуется ли последнее десятилетие только окончательным забвением «гендера», или произошли и другие перемены? Совпало ли забвение гендерного подхода с отходом от других приоритетов в политике? И последний исследовательский вопрос в этом контексте: возможно и нужно ли использовать гендерный ресурс как драйвер позитивных демографических изменений в условиях отсутствия «гендера» в концептуальных документах социально-демографической политики?

Основные исследовательские гипотезы таковы: 1) нарушена преемственность в концептуальных подходах в различных документах социально-демографической политики 2007—2017 гг.; 2) забвение «гендера» совпало с усилением патерналистского подхода и отказом от ряда признанных ранее принципов проведения социально-демографической политики.

Данные и методы исследования

Рассматриваются такие концептуальные документы в области социально-демографической политики, как:

- 1) Концепция демографической политики Российской Федерации на период до 2025 г. (опубликована в 2007 г.);
- 2) Национальная стратегия действий в интересах детей на 2012—2017 гг. (2012 г.);
- 3) Концепция государственной семейной политики в России на период до 2025 г. (2014 г.);
- 4) Стратегия действий в интересах граждан старшего поколения до 2025 г. (2016 г.);
- 5) Национальная стратегия действий в интересах женщин на 2017—2022 гг. (2017 г.).

Этот перечень формировался по следующему признаку: концепции посвящены темам рождаемости и/или сохранения (улучшения) здоровья населения

(преимущественно за счет самосохранительного поведения), что является основными задачами социально-демографической политики. Две концепции посвящены непосредственно демографической и семейной политике и три концепции — политике в интересах социально-демографических групп (дети, женщины и пожилые), которые являются специфическими объектами политики по повышению рождаемости и укреплению здоровья. Заметим также, что разработка Концепции семейной политики была первой задачей Национальной стратегии действий в интересах детей. В преамбуле последующих концепций упоминается их связь с Концепцией демографической политики.

Для анализа концептуальных подходов в этих стратегических документах были использованы методы качественного и количественного контент-анализа текстов с использованием программного обеспечения MAXQDA.

Метод контент-анализа широко используется в содержательных оценках текстов различных документов в политологии, экономике, социологии и многих других направлениях общественных и гуманитарных наук [Шалак, 2004].

Конкретные инструменты количественного контент-анализа — облако тегов, документ-портрет.

Облако тегов — визуальное представление списка наиболее часто употребляемых слов в документах (мы исключили предлоги, союзы, даты). Документ-портрет основан на частоте упоминания слов и словосочетаний, сгруппированных в смысловые коды.

Для построения документ-портрета всех исследуемых стратегических документов были выбраны следующие коды: «работа», «гендер», «женщины», «мужчины», «дети», «старение», «здоровье», «жизнь», «рождаемость», «семья», «демография». Каждому коду соответствует множество синонимов в различных формах (части речи, склонения существительных, спряжения глаголов и пр.). Часть кодов связаны с объектами социально-демографической политики, отраженными в исследуемых концепциях («женщины», «дети», «старение», «семья», «демография»). Часть кодов являются направлениями социально-демографической политики или мерами ее реализации («здоровье», «жизнь», «рождаемость», «старение», «работа»). Часть кодов описывают чувствительность документов к гендерным вопросам («гендер», «женщины», «мужчины», «семья», «работа»). Множества кодов по разным критериям пересекаются, поскольку несут в себе потенциал для различных интерпретаций.

Для изучения преемственности документов и концептуальных акцентов в стратегических документах социально-демографической политики 2007—2017 гг. мы сначала обратимся к количественному контент-анализу и сравним попарно (а затем в совокупности) методом облака тегов такие документы, как:

— Национальная стратегия действий в интересах детей (2012 г.) и ее развитие — Концепция семейной политики (2014 г.);

— Концепция демографической политики (2007 г.) и Концепция семейной политики (2014 г.);

— Национальная стратегия действия в интересах пожилых (2016 г.) и Национальная стратегия действий в интересах женщин (2016 г.).

Сравнение Национальной стратегии действий в интересах граждан старшего поколения (2016 г.) и Национальной стратегии действий в интересах

женщин (2017 г.) на первый взгляд кажется менее важным. Действительно, Концепция семейной политики родилась внутри Национальной стратегии действий в интересах детей и тесно связана с Концепцией демографической политики. Однако и национальные стратегии действий в интересах других социально-демографических групп — женщин и пожилых (среди которых женщины преобладают в 2,5 раза) — тесно связаны с Концепцией демографической политики и задачами семейной политики и являются, на наш взгляд, продолжением позиционирования социально-демографической политики в России.

Вторым шагом будет соединение количественного и качественного анализа документов (попарно и в целом) для взаимного подтверждения разными методами гипотез о наличии тех или иных концептуальных акцентов в документах.

Качественный контент-анализ заключался в экспертной оценке стратегического документа социально-демографической политики на предмет присутствия в нем следующих сюжетов и подходов:

- приоритета интересов ребенка;
- приоритета интересов семьи и/или государства;
- принципа участия объектов политики (дети, семьи, женщины, мужчины, пожилые люди) в принятии решений, затрагивающих их интересы;
- упоминания о правах человека, международных документов по правам человека;
- принципа развития человеческого потенциала;
- принципа патернализма государства и зависимости объектов политики от государственной поддержки;
- принципа гендерного равенства (особенно в распределении труда по уходу за членами домохозяйства, поскольку на эту сферу жизнедеятельности менее всего распространилась эмансипация женщин);
- приверженности традициям, традиционным ценностям, консерватизму;
- выделения специфических нужд женщин и мужчин в области социальной политики;
- принципа солидарности поколений и принципа активного долголетия (особенно важны для социально-демографической политики в стареющем обществе).

Третий шаг — использование документ-портретов стратегических текстов для анализа преемственности документов и богатства палитры направлений социально-демографической политики в 2007—2017 гг.

Результаты исследования

На рисунке 1 облако тегов Национальной стратегии действий в интересах детей существенно отличается от облака тегов Концепции семейной политики, несмотря на то что Концепция семейной политики была продолжением одного из ведущих направлений Национальной стратегии действий в интересах детей. Напомним, одной из основных задач реализации Нацстратегии была задача разработки Концепции семейной политики.

Национальная стратегия действий в интересах детей основана на приоритете прав ребенка, а также на развитии человеческого потенциала каждого ребенка — здоровья и образования. Концепция семейной политики оперирует

словом «дети», не выделяя каждого ребенка как уникального и ценного объекта и субъекта социальной политики. Принцип участия объекта политики в реализации политики и превращения его в субъекта политики был заложен только в Национальной стратегии действий в интересах детей. Единственный концептуальный документ в России в области социальной политики, в котором отдельным важным принципом считалось участие детей в реализации социальной политики, остается Национальная стратегия действий в интересах детей. В Концепции семейной политики дети больше не являются субъектом политики, интенсивность использования сюжетов про образование и здоровье снижена. В этом документе появляются слова «ценности» (традиционные), «сохранение», что свидетельствует о повороте к традиционализму и консерватизму. Отдельно подчеркивается именно государственное участие в реализации семейной политики, что наводит на мысль об усилении патернализма. Палитра акцентов становится менее разнообразной.

Рис. 1. Облако тегов а) Национальной стратегии действий в интересах детей (2012 г.), б) Концепции семейной политики (2014 г.)

При последующем качественном контент-анализе нам удалось выделить в семейной концепции приоритет интересов семьи и подтвердить нашу гипотезу об усилении патернализма и опоре на традиционные ценности. Итак, по результатам качественного и количественного сравнительного анализа текстов, основные концептуальные акценты Национальной стратегии действий в интересах детей — приоритет интересов ребенка, прав человека, развития человеческого потенциала; Концепции семейной политики — патернализм, традиционализм, приоритет интересов семьи.

Далее сравним тексты Концепции демографической политики (2007 г.) и Концепции семейной политики (2014 г.). Обычно при схожести мер этих двух видов политики в них различаются целеполагания и основные выгодоприобретатели: демографическая политика чаще нацелена на достижение желательных параметров воспроизводства населения и реализуется в первую очередь в интересах государства; семейная политика чаще нацелена на улучшение материального и духовного благополучия семьи и реализуется в первую очередь в интересах семей разных типов. В отдельной взятой стране, как правило, реализуется либо демографическая, либо семейная политика. Большинство европейских стран, например, перешли к реализации исключительно семейной политики. Россия

в начале 1980-х гг. и в настоящее время предпочитает демографическую политику, но контекст документов содержит принципы и меры, часто свойственные семейной политике, что дало повод некоторым исследователям называть политику 1980-х гг. в России семейно-демографической [Фрейка, Захаров, 2014].

В России в настоящее время действуют две концепции, но, судя по частоте упоминания демографической политики в официальных обращениях Президента России В. В. Путина в течение многих лет, демографическая политика считается приоритетной. При этом многие направления реализации демографической политики лежат в области традиционной семейной политики (например, повышение уровня жизни семей с детьми и пр.). Например, в Послании 2019 г. из 28 выделенных тем 12 посвящены демографии и благополучию семей с детьми (<http://www.kremlin.ru/events/president/news/59863/work>). Можно утверждать, что концептуальное содержание современной демографической политики представляет собой смешанный подход и опирается на традиционные для семейной политики подходы в области развития человеческого потенциала и благополучия семей и — одновременно — на принципы пронатализма и роста количественных параметров населения.

На рисунке 2 мы видим, что Концепция демографической политики даже богаче акцентами в области развития человеческого потенциала, чем Концепция семейной политики. Концепция семейной политики в целом проигрывает в разномобразии акцентов и Концепции демографической политики.

Рис. 2. Облако тегов а) Концепции демографической политики (2007 г.),
 б) Концепции семейной политики (2014 г.)

Качественный контент-анализ приводит к выводам о пронаталистском характере Концепции демографической политики и о приоритете прав человека. Задачи снижения смертности важнее задач повышения рождаемости, международное законодательство — основа развития национального законодательства.

В чем тогда была задача отдельной семейной политики? По сути, в демографической концепции мы находим концептуальные подходы типовой семейной политики в сочетании с пронаталистскими идеями, а в семейной концепции имеем повтор многих основных задач пронаталистской демографической политики (включая задачу «достижения положительной динамики демографических показателей»), но с акцентом на возрождении «традиционных ценностей». Создается впечатление, что Концепция семейной политики не привнесла ничего но-

вого в инструментальные инновации или в расширение числа объектов или направлений воздействия в области социально-демографической политики, а лишь поменяла концептуальный подход, усилив значение традиционных ценностей и приоритета интересов семьи (и государства) над приоритетом интересов ее отдельных членов.

Итак, по результатам качественного и количественного сравнительного анализа текстов, основные концептуальные акценты Концепции демографической политики — пронатализм, развитие человеческого потенциала, приоритет прав человека; напомним, основные акценты Концепции семейной политики — патернализм, традиционализм, приоритет интересов семьи.

На рисунке 3 облака тегов Национальной стратегии действий в интересах граждан старшего поколения и Национальной стратегии в интересах женщин выявляют один из основных подходов, характерных для данных документов, — акцент на патернализм (зависимость от государственной поддержки). Слова «помощь» и «услуга» преобладают в первом тексте и слово «государственной» (власти, политики) во втором. В Нацстратегии в интересах женщин акцент сделан на материнстве (слово «детей») и труде («труд»), что очень напоминает советскую модель социальной политики в области так называемого женского вопроса: защита материнства и детства, создание условий для совмещения родительских и производственных обязанностей исключительно для женщин (у читателя новой семейной концепции возникает эффект дежа-вю). Вновь поддерживается только «контракт работающей матери» [Темкина, Роткирх, 2002].

Рис. 3. Облако тегов а) Национальной стратегии действий в интересах граждан старшего поколения (2016 г.), б) Национальной стратегии действий в интересах женщин (2017 г.)

Качественный контент-анализ всех трех национальных стратегий действий в интересах различных социально-демографических групп также позволяет сделать вывод об усилении государственного патернализма в более поздних документах. Кроме того, государственный патернализм не сочетается ни с концепцией активного долголетия, ни с солидарностью поколений, ни с эгалитарным разделением домашнего труда между мужчинами и женщинами. В поздних стратегиях имеется много хороших идей, но, видимо, названные недостающие звенья не могли быть вписаны в патерналистский и «безгендерный» формат.

Мы не будем подробно обсуждать, какие из принципов являются наилучшими в реализации социально-демографической политики. Наша задача —

выявить новации в концептуальных акцентах различных документов в области социально-демографической политики, связанные с изменениями в стране в период проведения данной политики. Если наша гипотеза верна и эти новации имеют место быть, то следует подчеркнуть, что реализация социально-демографической политики в отсутствие преемственности теоретических подходов в документах может помешать результативности и эффективности политики.

Судя по количественному и качественному контент-анализу текстов, преемственности концептуальных подходов в стратегических документах социально-демографической политики 2007—2017 гг. не существует.

Анализ индикаторов успеха реализации различных стратегических документов в одной области показал, что и индикаторы не связаны между собой единой логикой, что сильно осложняет как проведение социально-демографической политики, так и ее мониторинг и отчетность со стороны региональных и федеральных профильных министерств.

Используя еще один инструмент количественного анализа — портрет документов, основанный на частоте упоминания слов и словосочетаний, сгруппированных в смысловые коды, опишем изменения в «букве и духе» документов социально-демографической политики 2007—2017 гг. (рис. 4).

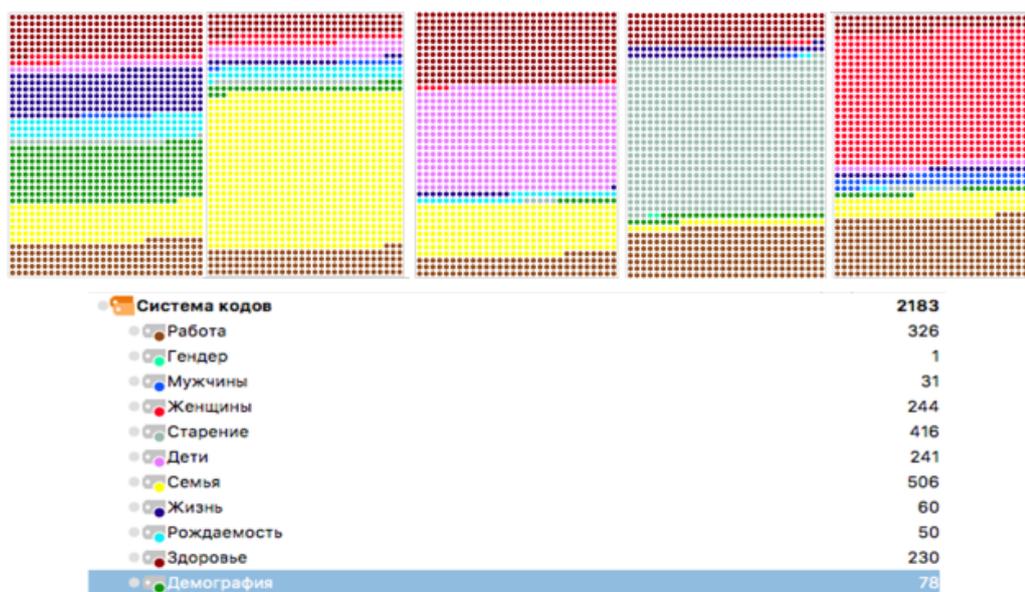

Рис. 4. Портрет документов: 1) Концепции демографической политики (2007 г.), 2) Концепции семейной политики (2014 г.), 3) Национальной стратегии действий в интересах детей (2012 г.), 4) Национальной стратегии действий в интересах граждан старшего поколения (2016 г.) и 5) Национальной стратегии действий в интересах женщин (2017 г.) (номера 1) — 5) соответствуют порядку расположения документов)

Самой многогранной концепцией представляется Концепция демографической политики 2007 г. В остальных документах коды, связанные с употреблением слов и словосочетаний, обозначающих основной объект политики («семья», «дети», «старение=старшие», «женщины»), преобладают, что кажется

нормальным. Однако и нейтральные коды («работа» и «здоровье») представлены неравномерно. В последних документах реже упоминается тема здоровья, чаще — тема работы (несмотря на то что последние две стратегии написаны в интересах пожилого населения и женщин, то есть людей с повышенной потребностью в услугах системы здравоохранения по причине возраста и активного участия в воспроизводстве населения).

В стратегии для пожилых редко упоминается семья и не упоминаются дети, что свидетельствует об отсутствии идеи солидарности поколений.

Тема «гендер» затронута только в стратегии для пожилых, но лишь в статистическом контексте (соотношение полов). Большинство документов (кроме «женской» стратегии) представляются бесполовыми, поскольку в них не только не упоминается тема «гендер», но и почти отсутствуют темы «женщины» и «мужчины», специфические потребности полов не учтены.

Во введении мы констатировали забвение «гендера» в социально-демографической политике России с начала 2000-х гг. Данный анализ подтверждает это забвение, «гендер» исчез из официальных документов уже в 2007 г. Кроме того, забвение гендерного подхода совпало с изменением приоритетов в социально-демографической политике: усилились патерналистские и традиционалистские идеи, приоритет интересов человека (ребенок, женщина, мужчина) сменился приоритетом интересов семьи и государства, стал более слабым акцент на развитие человеческого потенциала, сбалансированность тем и направлений снизилась. В важных документах, написанных для старшего поколения и женщин, «забыли» темы солидарности поколений, равенства родителей в участии в воспитании детей и заботе о членах семьи, участия детей в принятии решений, затрагивающих их интересы. Наши методы не позволяют сделать однозначный вывод о том, что забвение «гендера» привело к смене приоритетов социально-демографической политики. Но констатировать такое совпадение мы можем. Стратегические документы 2007—2012 гг. отличаются от стратегических документов 2014—2017 гг., произошла смена концептуальных подходов в рамках одного раунда и типа политики в одной стране.

По-видимому, смена либерального подхода на консервативный в социально-демографической политике привела к постепенному отказу от всех признанных ранее (в концептуальных документах 1990-х гг.) ценностей — гендерного равенства, приоритета интересов и прав ребенка, участия детей в принятии решений и пр. Начался этот поворот с отказа от «гендера», далее постепенно все либеральные ценности в концептуальных документах заместились консервативными ценностями. В рамках данной статьи мы не определим, явился ли отказ от «гендера» драйвером поворота в концептуальном подходе в рамках социально-демографической политики, для этого нужны дополнительные исследования. Но в России начала XXI в. этап последовательной смены концептуального подхода стартовал с «гендера».

Переход произошел постепенно: «гендер» в документах отсутствовал уже в 2007 г., но окончательный консервативный поворот произошел только в 2014 г. В 2007 и в 2012 гг. в документах сохранялось большинство описанных либеральных ценностей.

Продолжая разговор о «гендере» в социально-демографической политике, зададим себе два вопроса. Возможно ли 1) реализовать успешную устойчивую социально-демографическую политику без «гендера»; 2) внедрять «гендер» в политику в условиях его отсутствия в концептуальных документах, где акцент сделан на консервативных ценностях?

Современная демографическая политика в России продемонстрировала результативность на первых двух этапах своего существования. Первый этап, 2007—2010 гг. (преодоление негативных тенденций), и второй этап, 2011—2015 гг. (стабилизация достигнутых успехов), завершились успешно, основные индикаторы успеха продемонстрировали его наличие (табл.).

Плановые и фактические индикаторы результативности демографической политики 2007—2025 гг. в России

Индикаторы	Суммарный коэффициент рождаемости (число детей на 1 женщину условного поколения)	Ожидаемая продолжительность жизни при рождении (лет)	Младенческая смертность (во сколько раз снизилась)	Смертность (во сколько раз снизилась)	Сальдо миграции (тыс. чел.)
По плану к 2015 г. по сравнению с 2006 г.	1,3	70,0	–	1,3	200
По факту к 2015 г. по сравнению с 2006 г.	1,4	71,4	1,6	1,19/1,08	250
По плану к 2025 г. по сравнению с 2006 г.	1,5	75,0	–	1,6	300

Сост. по данным Росстата (факт) и Концепции демографической политики (план).

В какой степени именно демографическая политика повлияла на улучшение демографических показателей, сказать трудно. Мы располагаем одной работой, посвященной количественной оценке влияния материнского (семейного) капитала на рождаемость [Slonimczyk, Yurko, 2014], подтверждающей небольшое влияние материнского капитала на рост рождаемости. Нужны дополнительные исследования. Но совпадение во времени демографической политики и улучшения демографической ситуации очевидно.

Сможем ли мы сделать успех устойчивым на третьем этапе, в 2016—2025 гг. (упреждающее реагирование на возможные ухудшения демографической ситуации)? Особенно в свете Указа Президента России [О национальных целях..., 2018], содержащего выросшие демографические плановые индикаторы результативности (например, запланировано повышение ожидаемой

продолжительности жизни при рождении до 78 лет к 2024 г.) в условиях ухудшения демографической структуры, привыкания населения даже к значительным мерам социально-демографической политики (если мы принимаем за аксиому обязательное реагирование населения на эти меры), истощения потенциала календарных сдвигов рождений в течение первых этапов политики и экономической стагнации как базиса демографического развития.

С нашей точки зрения, дальше идти без «гендера» невозможно. Нужна новая парадигма социально-демографической политики именно в условиях ухудшения демографической ситуации (по данным Росстата, с 2016 г. наблюдается рост абсолютных и относительных показателей естественной убыли населения страны) и привыкания населения к старой парадигме. Если старая парадигма была основана преимущественно на материальной поддержке («подари деньги»), то новая может быть основана на создании условий для баланса «семья — работа», который будет поддерживаться членами каждой семьи по их потребностям («подари время»). Успешность семейной политики и хорошие демографические показатели в Европе часто связывают с успехом политики балансирования семейных и профессиональных задач для женщин и мужчин [Thévenon, 2008]. Последний подход — это возвращение «гендера». И стоит этот подход на трех китах: разнообразие видов общественной и коммерческой форм по уходу за детьми и престарелыми членами домохозяйства; дружественный рынок труда с отсутствием гендерных стереотипов и наличием выбора разных форм и режимов занятости; участие отцов в уходе за детьми и поддержании домашнего хозяйства [Калабихина, 2009].

Традиционная защита материнства и детства советского типа в свое время была весьма эффективна в деле эмансипации женщин и использования женского труда и полученных в системе образования знаний в экономике 1920—1960-х гг. Но этот подход (эмансипация по-советски) базируется не на трех, а на двух китах — общественная помощь в воспитании детей и дружественный к матерям рынок труда. Третий кит — участие отцов в воспитании детей и домашнем труде и дружественное отношение к родительским потребностям отцов на рынке труда — непереносимое условие для завершения гендерного перехода [там же] и полноценной эмансипации женщин и мужчин. Игнорирование данного спроса на эгалитарность внутри семьи является основным фактором снижения рождаемости и отказа от создания семьи. Демографические задачи не решить без современного понимания «гендера».

Рано или поздно мы сможем на уровне принимающих решения лиц осознать это, но терять время нельзя. Как использовать гендерный ресурс в современной социальной политике? Разрабатывать прогендерные предложения даже вне гендерной риторики; проводить (академическую, общественную) гендерную экспертизу всех документов социально-демографической политики; использовать механизм социального бюджетирования для продвижения прогендерных программ; вести исследования для научно обоснованных политических рекомендаций, доказывать языком цифр полезность гендерного подхода в социально-демографической политике и продвигать результаты во все профильные структуры. Имеются и примеры исследований для научно обоснованной

социально-демографической политики с учетом гендерного подхода: о «цене» запрета аборт [Сакевич, 2005]; о причинах провала президентской программы обучения женщин с маленькими детьми [Калабихина, Бирюкова, Макаренцева, 2018]; о плохом здоровье девочек-подростков в многодетных российских семьях [Gazizullina, 2018]; о повышенной трудовой нагрузке успешных на рынке труда женщин, которые усиленно отработывают в выходные дни свое недостаточное, по их мнению, участие в домашнем труде [Калабихина, Шайкенова, 2019]; о «штрафе» за рождение ребенка [Biryukova, Makarentseva, 2017]; о здоровье женщин и их опыте получения медицинских услуг [Темкина, 2014; Chubarova, Grigorieva, 2016]; об особенностях старения женщин [Исупова, 2010]; о роли эгалитарных партнерских отношений в распределении домашнего труда при принятии решения о рождении ребенка [Смулянская, 2017] и многие другие.

Заключение

Сравнение концептуальных документов в области социально-демографической политики 2007—2017 гг. свидетельствует об отсутствии единого концептуального подхода, смене концептуальных подходов, отсутствии преемственности концептуальных подходов в разных документах. Смена концептуального подхода в рамках одной политики в отдельной стране может привести к непониманию задач исполнителями, к невосприятию населением мер политики, к риску снижения ее результативности. Слабая связь целей и индикаторов успеха разных концепций может обусловить проблемы в реализации и мониторинге политики, удорожание отчетности (издержки на производство отчетности по каждой стратегии с несвязанными индикаторами и целями стали очень высоки для региональных субъектов). Снижение сбалансированности представленных направлений социально-демографической политики также формирует риски провала отдельных направлений изначально комплексной политики.

Содержательная специфика смены концептуальных подходов состоит в усилении традиционализма, патернализма; в отказе от принципа участия детей в принятии решений, затрагивающих их интересы; в смене приоритетов интересов (интересы семьи и государства стали выше интересов ребенка или взрослого члена семьи); в ослаблении приоритета развития человеческого потенциала, несмотря на понимание и декларирование на государственном уровне важности развития человеческого потенциала для экономического прорыва; в отказе от гендерного подхода в целеполагании и средствах реализации политики. Стратегические документы 2007—2012 гг. отличаются от стратегических документов 2014—2017 гг., налицо смена концептуальных подходов в рамках одного раунда и типа политики в одной стране.

Забвение гендерного равенства произошло уже в первых документах исследуемого десятилетия. Стратегические документы «бесполье», специфических нужд мужчин и женщин в рамках социально-демографической политики не обозначено. С этим забвением совпала и постепенная смена концептуальных подходов, и отсутствие актуализации задач солидарности поколений и активного долголетия в стареющем обществе, задач роста эгалитарности в экономике заботы.

При этом мы полагаем, что гендерный ресурс может дать новый толчок социально-демографической политике в условиях ухудшения демографической ситуации и привыкания населения к действующим мерам демографической политики. Использование гендерного ресурса может лечь в основу разработки новой парадигмы социально-демографической политики «подари время». Использование потенциала гендерного подхода в условиях консервативного поворота в социально-демографической политике ограничено, но возможно и необходимо.

Перспективы исследования социально-демографической политики лежат как в плоскости количественных оценок ее эффективности, так и в продолжении контент-анализа не только концептуальных документов, но и текстов по вопросам социально-демографической политики в парламентских слушаниях, документах о приоритетных мерах реализации политики, СМИ, социальных сетях, поскольку дискурсы могут отличаться, и, если это подтвердится, это также может быть одним из факторов риска слабой результативности социально-демографической политики на следующем этапе.

Библиографический список

- Воронина О. А.* Политика гендерного равенства в современной России: проблемы и противоречия // Теория и методология гендерных исследований. 2013. № 11. С. 12—20.
- Исупова О. Г.* Гендер и старость: теоретические подходы // Демоскоп. 2010. № 433—434. URL: <http://www.demoscope.ru/weekly/2010/0433/analit05.php> (дата обращения: 05.05.2019).
- Калабихина И. Е.* Гендерный фактор в экономическом развитии России. М.: МАКС Пресс, 2009. 240 с.
- Калабихина И. Е., Бирюкова С. С., Макаренцева А. О.* Реализация программы содействия занятости через профессиональное переобучение женщин с маленькими детьми в городе Москве // Мир России: социология, этнология. 2018. Т. 27, № 2. С. 136—162.
- Калабихина И. Е., Шайкенова Ж. К.* Затраты времени на домашнюю работу: детерминанты гендерного неравенства // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2019. № 3. С. 261—285.
- О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 г.: Указ Президента Российской Федерации от 07.05.2018 г. № 204. 2018. URL: <http://kremlin.ru/acts/bank/43027> (дата обращения: 25.05.2019).
- Сакевич В. А.* Что было после запрета аборта в 1936 году // Демоскоп. 2005. № 221—222. URL: <http://www.demoscope.ru/weekly/2005/0221/reprod01.php> (дата обращения: 25.05.2019).
- Смулянская Н. С.* Что влияет на принятие решения о рождении ребенка у женщин разных возрастных групп? // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2017. Т. 5. С. 289—299.
- Темкина А. А.* Медикализация репродукции и деторождения: борьба за контроль // Журнал исследований социальной политики. 2014. № 12 (3). С. 321—336.
- Темкина А. А., Роткирх А.* Советские гендерные контракты и их трансформация в современной России // Социологические исследования. 2002. № 11. С. 4—14.
- Фрейка Т., Захаров С. В.* Эволюция рождаемости за последние полвека в России: оптика условных и реальных поколений // Демографическое обозрение. 2014. № 1. С. 106—143.

- Шалак В. И. Современный контент-анализ. Приложения в области: политологии, рекламы, социологии, экономики, психологии, культурологии. М.: Омега-А, 2004. 272 с.
- Biryukova S., Makarentseva A. Estimates of the motherhood penalty in Russia // *Population and Economics*. 2017. № 1. P. 50—70.
- Chubarova T., Grigorieva N. Access to health care in health systems and policy in Central Asia: a case of gender // *Health and Social Care Journal*. 2016. № 1. P. 9—34.
- Gazizullina P. Socio-economic determinants of adolescent health in Russia // *Population and Economics*. 2018. № 2. P. 70—113.
- Slonimczyk F., Yurko A. Assessing the impact of the maternity capital policy in Russia // *Labour Economics*. 2014. № 30. P. 265—281. URL: <http://doi.org/10.1016/j.labeco.2014.03.004> (дата обращения: 25.05.2019).
- Thévenon O. Family policies in developed countries: contrasting models // *Population and Societies*. 2008. № 448. P. 1—4.

References

- Biriukova, S., Makarentseva, A. (2017) Estimates of the motherhood penalty in Russia, *Population and Economics*, no. 1, pp. 50—70.
- Chubarova, T., Grigorieva, N. (2016) Access to health care in health systems and policy in Central Asia: A case of gender, *Health and Social Care Journal*, no. 1, pp. 9—34.
- Freika, T., Zakharov, S. V. (2014) Èvoliutsiia rozhdæemosti za poslednie polveka v Rossii: optika uslovnykh i real'nykh pokolenii [Birth rate evolution over the past half century in Russia: optics of conditional and real generations], *Demograficheskoe obozrenie*, no. 1, pp. 106—143.
- Gazizullina, P. (2018) Socio-economic determinants of adolescent health in Russia, *Population and Economics*, no. 2, pp. 70—113.
- Kalabikhina, I. E. (2009) *Gendernyi faktor v èkonomicheskom razvitiï Rossii* [Gender factor in the economic development of Russia], Moscow: MAKS Press.
- Kalabikhina, I. E., Biriukova, S. S., Makarentseva, A. O. (2018) Realizatsiia programmy sodeïstviia zaniatosti cherez professional'noe pereobuchenie zhenshchin s malen'kimi det'mi v gorode Moskve [Implementation of a program to promote employment through vocational retraining of women with young children in Moscow], *Mir Rossii: sotsiologïia, ètnologïia*, vol. 27, no. 2, pp. 136—162.
- Kalabikhina, I. E., Shaïkenova, Zh. K. (2019) Zatraty vremeni na domashniuiu rabotu: determinanty gendernogo neravenstva [Spending time on homework: determinants of gender inequality], *Monitoring obshchestvennogo mneniia: èkonomicheskie i sotsial'nye peremeny*, no. 3, pp. 261—285.
- Shalak, V. I. (2004) *Sovremennyi kontent-analiz. Prilozheniia v oblasti: politologii, reklamy, sotsiologii, èkonomiki, psikhologii, kul'turologii* [Modern content analysis. Applications in the field of: political science, advertising, sociology, economics, psychology, culturology], Moscow: Omega-A.
- Slonimczyk, F., Yurko, A. (2014) Assessing the impact of the maternity capital policy in Russia, *Labour Economics*, no. 30, pp. 265—281, available from <http://doi.org/10.1016/j.labeco.2014.03.004> (accessed 25.05.2019).
- Smulianskaia, N. S. (2017) Chto vliiaet na priniatie resheniia o rozhdenii rebënka u zhenshchin raznykh vozrastnykh grupp? [What affects the decision on the birth of a child in women of different age groups?], *Monitoring obshchestvennogo mneniia: èkonomicheskie i sotsial'nye peremeny*, vol. 5, pp. 289—299.

- Temkina, A. A. (2014) Medikalizatsiia reproduksii i detorozhdeniia: bor'ba za kontrol' [The medicalization of reproduction and childbirth: the struggle for control], *Zhurnal issledovaniĭ sotsial'noĭ politiki*, no. 12, pp. 321—336.
- Temkina, A. A., Rotkirkh, A. (2002) Sovetskie gendernye kontrakty i ikh transformatsiia v sovremennoĭ Rossii [Soviet gender contracts and their transformation in modern Russia], *Sotsiologicheskie issledovaniia*, no. 11, pp. 4—14.
- Thévenon, O. (2008) Family policies in developed countries: contrasting models, *Population and Societies*, no. 448, pp. 1—4.
- Voronina, O. A. (2013) Politika gendernogo ravenstva v sovremennoĭ Rossii: problemy i protivorechiia [The policy of gender equality in modern Russia: problems and contradictions], *Teoriia i metodologiia gendernykh issledovaniĭ*, no. 11, pp. 12—20.

Статья поступила 17.06.2019 г.

Информация об авторе / Information about the author

Калабихина Ирина Евгеньевна — доктор экономических наук, профессор, заведующая кафедрой народонаселения, Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова, г. Москва, Россия, ikalabikhina@yandex.ru (Dr. Sc. (Econ.), Professor, Head of the Department of Population, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russian Federation).